

*А больше всех –
Не понарошку
Люблю цветок простой картошки
Как будто брата своего, –
За дух земной без карамели,
За то, что сделать не сумели
обман
хотя бы из него...*

Евгений Евтушенко

Зеркальноглазый смуглый мальчик протягивает мне из зеркального лифта сиренево-розоватый букетик. На листке сидит пушистая гусеница. Мне – то ли шесть, то ли девять лет. Я протягиваю руку к букету и, к вящей своей досаде, просыпаюсь...

Я искала того мальчика и во дворе, и в школе, но не находила. И сон заснул, свернувшись клубком. Проснулся он лет через двадцать-двадцать пять – у снов ведь нет понятия времени. Я жила уже на другом конце планеты, и каждый день ездил в лифте из того самого сна. Небоскрёб, в котором я работала, смотрел туда, где, погружая в бестелесную магию, другие белобрюхие высотки плавали над розовым заливом. Там было звонко и многолюдно, в блестящих ресторанах вкусно и весело, а в бутиках случались отличные скидки на брендовые вещи. Верхние этажи нашего здания занимали майкрософтики, ниже располагалась какая-то лаборатория ботанических мутаций, а ещё ниже – наша прозаичная типография.

В обеденный перерыв мы с коллегами спускались ещё ниже, в кафе. Вот там я вновь и увидела его – моего повзрослевшего мальчика из сна. Он остановился в дверях... нет, не лифта, лифт здесь был разве что социальный. В дверях кафе. Из папки в его руке выглядывал условный знак моего сна – я уже знала, что это цветок картошки. Сиреневые лепестки словно связывали нас общим прошлым. Свободный столик оставался лишь один – рядом с моим. И... реальность взорвалась, как хлопучка. Пути назад не было. Время завибрировало с невероятной быстротой, потому что сам он был черноволос и смуглой смуглостью, которая отличает южан. Не вполне чёткий его абрис с твёрдым контуром губ можно было бы назвать красивым, если бы не нарушавший симметрию лица овал. В профиль он походил то ли на kota, то ли на рыбу. Рассказал, что их лаборатория скрепчивает батат с помидофелем.

– Вы какого знака Зодиака? – поинтересовался он.

– Дева, – потушилась я, призывно сжимая в одной руке бокал мокко, в другой – зелёную веточку из его папки.

– А я – мутант! – уголки его губ дрогнули. – По году рождения Кот. А по месяцу – Собака. Собак так и изображают – с рыбьим хвостом, – поведал он.

«Отлично! – усмехнулась я. – Собака-кот с рыбьим хвостом. Идеальный партнёр для проработки важных для меня качеств». Но приняла эту диковинную информацию просто как биографическую деталь – интересно же увидеть наяву повзрослевшего мальчика из своего детского сна.

– А могли бы Вы пожарить мне картошечку? – вдруг серьёзно спросил он. От неожиданности я лишь пожалала плечами... Где пожарить? Зачем?

Но, похоже, что планида у нас была взаимовыгодной: мне не хватало собеседника, ему – слушателя. И вскоре я знала, что ему тридцать пять, его зовут Ави и он разведён. Воевал он больше, чем жил,

и что жизнь вообще короче женской юбки, а семья – это ещё одно поле боя. «Не падай к ногам, не наступят на голову», – решительно укрепил он своё непоколебимое эго.

Но... кот есть кот. От него исходила какая-то загадочная энергия, напоминавшая гравитационные волны, и в ней я увязала всё больше. Мой повзрослевший мальчик почему-то разжёг во мне необъяснимое желание себя приручить. И уже через неделю наши кафешные беседы приняли какой-то заумный, хаотично-просветительский характер. Чаще всего он говорил о войнах («единственная победа – выжить!») и о генетически-модифицированных гладиаторах своей лаборатории, где фенотипические различия при секвенировании ДНК предполагаются ещё с допотопного Ноя:

– В каком тысячелетии произошла подмена нашего генома, даже там предположить не могут, – загадочно мерцал он из-под приспущенных век, разматывая свою липучую ленту, в которой я увязала. – Сейчас мы живём в изощренной версии игры виртуальной реальности.

Я хлопала глазами – то, о чём он говорил, было похоже на бред. Ну, какой нормальный будет развлекать девушку подобным образом?! Впрочем, может, он и нарочно играл эту роль. И, представляя нашу будущую историю любви, я вписывала страничку-другую в свой будущий бестселлер, где ещё больше смещала ось его симметрии. Мой герой летал в облаках, плавал в глубинах вод и, как истинный мутант, имел тысячи лиц – известно же, что сон – самый idiotический из существующих союзов. Этой книгой я собралась сразить его наповал, так как история любви никак не запускалась...

– Так ты замужешь? – удивился он, и... через месяц я была уже свободна.

– Так ты живёшь в часе от работы? – удивился он, и через неделю я уже вселилась в новоприобретённое кондо через квартал от небоскрёба, откуда было три минуты до работы.

– Так ты природная шатенка? Брюнеткой тебе бы подошло больше, – и через день я стала чернее воронова крыла.

Но дело всё равно не шло дальше кафетерия. Меня совсем не интересовало, кем был старик Ной. Зато у меня в кондо было джакузи, я уже собралась туда пригласить Ави. Но... он сослался на занятость и ушёл. «Да мужик он или не мужик?» – скрипела я зубами, раздумывая, чтобы ещё предпринять – такой долгой осады другой бы уж точно бы не выдержал. А он приходил в кафетерий и говорил, говорил, говорил. Что-то про Первочеловеков, которые ушли с земной орбиты, оставив остальных пройти путь уплотнения. И что мы хоть и ориентируемся на Библию, а не знаем даже кем, например, был библейский Голиаф. Хотя Колесо гигантов сохранилось и поныне. Что мир завершает свой круг и скоро те, кто ушёл, придут снова, и это будет победа совершенных над несовершенными. «В этом и есть сакральная суть сегодняшних войн», – сказал он, ставя над моей реальностью свои кавычки.

Через неделю я уже знала имена чуть ли не всех его командиров, всех этих турай, турай рипшон, самаль, самаль рипшон, самаль махлака. «Когда же он меня хотя бы поцелует?!» – злилась я, теребя в голове забавное уравнение Шриденгера о вероятности будущих событий. Но он всё также путешествовал по измерениям, где вообще не было никаких гетеросексуальных соплей. Я стала облачаться в лёгкие, обрисовывавшие формы, туники – никакого эффекта. В открытые сарафаны – тоже мимо. Он всё также клещами на лошадь хомут тащил – плёл что-то о крахе мира, о «быть или не быть». Животворная вода каких-то высот плескалась во мне рядом с какой-то незнакомой мне поговоркой «острый угол к груди, а не к животу». А он, словно играл в кошки-мышки, швыряя меня из озноба в жар, где в вибрирующих энергетических полях вилял своим рыбьим хвостом, трансформируясь из одной ипостаси в другую. Я уже не знала, где у меня сон, где явь. И остроклювые ракеты, как ведьмы на метле, улетали со свистом из ночи в ночь, отчего моя книга топталась на месте. Правда, однажды, он всё-таки обнял меня, и руки наши сплелись польхающими кольцами. Но... наутро в моей постели оказались лишь роговичные окружности чешуи. Хотя я терпеть не могу водоплавающих, и в моём доме никогда не было ни аквариумов, ни рыбы, ни раков. Разве что омары под соусом. И то в ресторане. А мне ещё больше захотелось узнать, как он засыпает, какие сны видит, что для него удовольствие, а что боль. И каков он в любви. И это стало моим наваждением! Может, я с ним что-то курила и... тут же забывала об этом? Отчего бы иначе я протягивала руку к плите, и... она вспыхивала сама собой?! Как-то газовая горелка взметнула пламя, оставив на моей руке лиловый след.

– Что это у тебя? – спросил он, разглядывая его своими вертикальными зрачками. – Ожог? Давай я завтра принесу тебе бальзам от ожогов.

– Так... где же бальзам? – спросила я назавтра.

– Бальзам? – удивился он. – Зачем тебе бальзам?

Ожога на руке... не было. Я почувствовала себя idiotкой.

– Ладно! Соловья баснями не кормят, – вдруг оборвал он себя на полуслове и, как истинный солдат, рванул на мне блузку. – Если честно, жизнь – весёлая и бестолковая потасовка, – подмигнул он мне, будто мы играли в поддавки. Пройдя разные цвета и оттенки, глаза его снова приобрели блеск зеркаль-

ной бездны. – Главное, в чью сторону нацелен острый угол шеврона. – И, минуя грудь, поцеловал сразу в пупок. Совсем как в индийском фильме!

В одном индуистском мифе говорилось, что человечество возникло из брызг, покинувших океан сознания. Существующего вне времени и пространства. После того, как оно осознало себя в этом разъединённом состоянии, оно утратило память. Что-то подобное произошло и со мной.

Он целовал меня от кончиков пальцев до распахнутых в истоме губ, и от губ до розовых пяток. Он заглядывал мой язык, как мятный леденец и слизывал меня, как ванильное мороженое. Каждое его движение приносило нестерпимо-сладкое изнеможение. И жажду, которую я никак не могла утолить. Это был океан в океане, где я сливалась с ним упорительными спазмами, от которых вспыхивали кодовские узоры и сказочные цветы. словно глубокое течение разливалось внутри меня, и чувствовала себя вне времени, вне сомнений и даже вне вибраций, из которых состоит этот грешный мир. И плевать мне было на него.

Утром вчерашний кайф был безжалостно изжён блендером реальности. Двери... были заперты изнутри. Тьфу! С кем же я была этой ночью? Инкуб? Мне невольно вспомнилось какое-то изречение из «Сатанинской библии» Ла Вэя. Неужели и эта ночь из серии моих измышлений?!

– Почему ты не отзываешься на звонки? – поймал меня после работы бывший муж. Всё это время он жил по старому адресу.

– Потеряла мобильник, – соврала я, пряча пылающее лицо в воротник – на счастье, с залива несло холодом.

– Не сочиняй, я уже всё знаю – я вас выследил, – он торжествующе вытащил из кармана мобильник и засохший розовый цветок.

– Смотри: я сфотографировал твоего ухаля, – и ткнул мне в руки экран. Там был изображён... Ави. Только... с головой то ли ящера, то ли кота.

– Что это? – офонарела я. – Фотошоп?

– Если бы! – Димка воткнул в меня не менее опалелые глаза. – Ты слышала о рептилоидах?

Я тупо рассматривала неясное изображение. Пыхающие глаза с вертикальными зрачками смотрели на меня холодно и неподвижно. «Агааа! Значит вот почему ушла твоя бывшая! Она тебя разгадала!» – я рассмеялась.

Димка обескураженно топтался рядом.

– Это эволюционировавшие динозавры, – выдавил он из себя, глядя на меня моими же измученными глазами (наверное, он, как и я, двинулся мозгами). – Я погуглил и всё узнал – полно про них в интернете.

– Они умеют менять свой облик и почти похожи на людей, – подтвердила я, глядя, как у Димки вытягивается лицо. – Они давно захватили планету, – рассмеялась я. Правильно говорят: творческие люди живут не на земле. Их стихия – воздух. Это сон взял над нами контроль! Чем больше мы двигаемся мозгами на неосуществимых идеях, тем их больше рядом с нами. Теперь я знала поворот своего сюжета! Я ведь тоже читала Дэвида Айка и древние мифы. Да и чёртов Ави много чего порассказал! Немедленно слиться с мышкой и клавиатурой! И не смотреть в зеркало, – представляю, какая Медуза Горгона глянет сегодня оттуда.

С работы я, конечно же, ушла. Кондоминиум сдала. Волосам вернула природный цвет.

...Мы встретились лет через пять: я всё-таки не выдержала и пришла в наш кафетерий. Он был пуст. Лишь у окна сидел на корточках уже немолодой человек в футболке с принтом игуаны. Профиль его чем-то напомнил мне кота. Или рыбу. Солнце не давало рассмотреть отчётливо. Пальчики вздетой лапки игуаны была сложены знаком победы.

– Да читал я, читал твою книгу, – приветственно взмахнул человек ладонью с кожистыми перепонками пальцев. Одним движением, без помощи рук он поднялся во весь рост, и рот его распахнулся в ухмылке. – Читал, читал. Сколько ненужного героизма, подумать только! – неподвижные глаза его отливали зеркалом. – И квартиру купила, и развелась, и волосы перекрасила, и машину поменяла – и всё, чтобы только поразить меня! А всего-то ведь и нужно было: просто пожарить мне картошку.